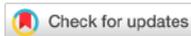

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Меркурьева Н. Ю. Два разделительных вопроса из текста «Гамлета» / Н. Ю. Меркурьева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 115—137. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-115-137.

Merkuryeva, N. Yu. (2025). Approaches to Translating Dialogical Unity with Tag Questions in Shakespeare's Tragedy "Hamlet". *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 115-137. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-115-137. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Два разделительных вопроса из текста «Гамлета»

Меркурьева Наталья Юрьевна
orcid.org/0009-0006-4144-3694
кандидат химических наук, доцент,
доцент кафедры
иностранных языков № 3
nata2lya1@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Approaches to Translating Dialogical Unity with Tag Questions in Shakespeare's Tragedy "Hamlet"

Natalia Yu. Merkuryeva
orcid.org/0009-0006-4144-3694
PhD in Chemistry,
Associate Professor, Department
of Foreign Languages No. 3
nata2lya1@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются подходы к переводу диалогического единства с разделительным вопросом из текста трагедии У. Шекспира «Гамлет». Проанализированы переводы одного фрагмента исходного текста, содержащего диалогическое единство, выполненные отечественными переводчиками Н. Полевым, А. Кронебергом, М. Вронченко, М. Загуляевым в XIX веке, Б. Пастернаком, М. Лозинским, А. Радловой, Ю. Лифшицем в XX веке, А. Агроскиным, И. Пешковым, А. Черновым, В. Поплавским в XXI веке. Показано разнообразие вариантов перевода, охарактеризованы различия в выборе переводческих приемов. Показано, что вариативность переводов связана с отношением переводчика к разделительным вопросам. Выявлены два направления интерпретации таких вопросов переводчиками. Если они понимаются как вопросительные предложения, тэги передаются как краткие вопросительные структуры *не правда ли?*, *ведь так?*, *не так ли?*, *может быть?*, *разве нет?*, *почему бы нет?*, которые бывают более объемными: *могло это быть именно так?*, *так ведь тоже могло быть?* Если разделительные вопросы понимаются как эмоционально окрашенные высказывания персонажа, переводчики не видят необходимости передавать вопросительные тэги. Отмечается зависимость интерпретации реплик с разделительными вопросами от восприятия переводчиками интенции Шекспира, понимания ими настроения и состояния персонажа.

Ключевые слова:

Шекспир; Гамлет; переводы Гамлета; художественный перевод; вариативность перевода; перевод разделительного вопроса; разделительный вопрос.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the approaches to translating dialogical unity featuring tag questions from William Shakespeare's tragedy "Hamlet." It analyzes translations of a specific fragment of the source text, which contains this dialogical unity, carried out by various domestic translators including N. Polev, A. Kroneberg, M. Vronchenko, and M. Zagulaev in the 19th century, as well as B. Pasternak, M. Lozinsky, A. Radlova, and Y. Lifshitz in the 20th century, and A. Agroskin, I. Peshkov, A. Chernov, and V. Poplavsky in the 21st century. The study highlights the diversity of translation options and characterizes the differences in the choice of translation techniques. It demonstrates that the variability of translations is linked to the translator's attitude towards tag questions. Two directions of interpretation by translators are identified: when understood as interrogative sentences, the tags are rendered as brief question structures such as "isn't it?", "right?", "isn't that so?", "perhaps?", "why not?", which can also be more elaborate: "could it really be so?", "it could have been that way too, couldn't it?" Conversely, if tag questions are interpreted as emotionally charged statements by the character, translators often see no need to convey the interrogative tags. The analysis reveals that the interpretation of lines containing tag questions depends on the translators' perception of Shakespeare's intent and their understanding of the mood and state of the characters.

Key words:

Shakespeare; Hamlet; Hamlet translations; literary translation; translation variability; tag question translation; tag questions.

УДК 81'255.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-115-137

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Два разделительных вопроса из текста «Гамлета»

© Меркурьева Н. Ю., 2025

1. Введение = Introduction

В 1748 году А. П. Сумароков, основываясь на французском пересказе П.-А. де Лапласа, сделанном в 1745 году, выполнил вольную переделку шекспировской трагедии [Гайдин, 2017а, с. 170—171]. Именно с его работы начинается свою историю русский «Гамлет», показатель «развития и трансформации русской мысли и эстетики» [Филиппова, 2024а, с. 336]. С тех пор в течение почти трех столетий русская литература «осваивает» шекспировское творчество: всемирно известный английский источник за это время переводился более 30 раз [Захаров и др., 2009, с. 101; Моташкова, 2016, с. 104].

Текст «Гамлета» характеризуется такой неоднозначностью суждений, что открывает возможности «многочисленных прочтений и интерпретаций тех смыслов», которые таит эта трагедия. Чрезвычайно привлекательной ее делает возможность декодирования этих смыслов в рамках различных переводов и театральных постановок. Появление новых переводных текстов, в свою очередь, «способствует их изучению в контексте уже существующих переводов» [Третьякова, 2014, с. 20].

В настоящее время в научной литературе существует большое количество работ, посвященных изучению переводов трагедии на русский язык. Так, например, Д. К. Филиппова рассматривает ранние переводы «Гамлета» — первые фрагментарные переводы, выполненные в XVIII веке М. Плещеевым и П. Карбановым, а также тексты М. Вронченко и Н. Полевого [Филиппова, 2022; Филиппова, 2023; Филиппова, 2024а; Филиппова, 2024б]. Работу М. Вронченко исследователь называет первым качественным переводом пьесы на русский язык [Филиппова, 2022, с. 328], отмечая, что переводчик передает не только содержание оригинала, но его форму — «низкую прозу и высокую поэтическую речь» [Филиппова, 2024б, с. 25], перевод Н. Полевого описывает как характеризующийся схематизмом персонажей, упрощением их характеров, они кажутся типическими, стереотипными [Филиппова, 2023, с. 364].

Е. А. Дамман и И. С. Гамбург производят сравнительный анализ текстов шести переводчиков, относящихся к разным эпохам: Н. Полевого и М. Вронченко, М. Лозинского и Б. Пастернака, В. Ананьина и А. Цветкова [Дамман и др., 2022]. Исследователи приходят к выводу, что «переводы-первопроходцы» Н. Полевого и М. Вронченко в целом передают смысл текста-оригинала, однако передача общей атмосферы и деталей оставляет желать лучшего. Обсуждая поэтичность и точность переводов М. Лозинского и Б. Пастернака, авторы отмечают, что текст М. Лозинского, несмотря на некоторую тяжеловесность, звучит возвышенно, переводчик следует структуре подлинника, стараясь сохранять детали, в то время как Б. Пастернак обращается с текстом смело и свободно, зачастую упрощая пьесу до разговорно-бытового уровня. Говоря о переводах В. Ананьина и А. Цветкова, исследователи констатируют, что этим переводам уготована судьба десятков других новых переводов трагедии — стать «еще одной попыткой» затмить классические переводы [Там же, с. 55, 56, 58].

Б. Н. Гайдин рассматривает переводы М. Л. Лозинского, Б. Л. Пастернака, А. Д. Радловой как классические, отмечая, что некоторые современные переводчики, среди которых исследователь называет И. В. Пешкова и Н. Н. Самойлова, стремятся соблюдать принцип эквилинеарности, противоположность им представляют довольно вольные переводы, которые следует воспринимать как театральные или литературные адаптации (В. Р. Поплавский, А. Ю. Чернов и др.), еще одну группу составляют тексты, в которых переводчики пытаются достичь баланса «между точностью и удобочитаемостью» (В. З. Ананьин, Ю. И. Лифшиц, А. В. Флоря и др.) [Гайдин 2017б, с. 57].

По выражению В. Левика, «Шекспир, как никакой другой автор, допускает в силу своей емкости огромное количество интерпретаций» [Левик, 1968, с. 95]. В связи с этим справедливо мнение Б. Н. Гайдина о том, что все тексты переводов Гамлета на русском языке представляют собой ценнейший и уникальный материал для анализа, поскольку они отражают «пласты русской и мировой культуры, диалог культур и эпох, прошлое и настоящее» [Гайдин, 2017а, с. 170—171].

Т. П. Третьякова показывает, что сравнения текстов М. Лозинского и Б. Пастернака достаточно традиционны. Исследователь отмечает тяжеловесность перевода М. Лозинского, ряд неточностей и невольных искажений в его тексте, из-за чего утрачивается передача образов и трагичности конфликта, монологи персонажей не звучат как естественная речь. В тексте Б. Пастернака нет нарочитого усложнения, он как будто адаптирован для восприятия современниками. Обилие неточностей лишний раз доказывает своеобразие поэтической версии Пастернака и делает понятной це-

лесообразность создания других поэтических интерпретаций [Третьякова, 2014, с. 21—22].

Обилие лингвистического материала обуславливает наш интерес к сравнительному анализу подходов переводчиков разных временных периодов к интерпретации элементов разговорной речи, употребленных Шекспиром в диалогах пьесы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками лингвистического материала послужили: фрагмент текста пьесы У. Шекспира «Гамлет», содержащий четырехчленное вопросно-ответное диалогическое единство с двумя разделительными вопросами, его переводы на русский, выполненные М. Вронченко (1828 год), М. Загуляевым (1861 год), Н. Полевым (1836 год), А. Кронебергом (1844 год), Б. Пастернаком (1939 год), М. Лозинским (1933 год), А. Радловой (1937 год), Ю. Лифшицем (1990 год), И. Пешковым (2009 год), А. Агроскиным (2009 год), В. Поплавским (2014 год), А. Черновым (2007 год). При исследовании применялись методы лингвистического исследования языковых фактов, лингвистического описания, сравнительно-сопоставительного метода, прагматического анализа, дискурс-анализа.

Перевод разделительного (расчлененного) вопроса с английского языка на русский представляет определенную сложность. Причина этого кроется не только в том, что вопрос такого типа отсутствует в русском языке. Главное затруднение заключается в распознавании значения расчлененного вопроса в тексте, поскольку именно значение влияет на способ передачи присоединенной части, состоящей из слов-заместителей, так называемого *тэга*.

В исследованиях разных лет отмечается полифункциональность разделительного вопроса на современном этапе развития языка [Гоголь, 2023; Кочетова и др., 2021; Курбатова, 2002; Морозов, 1998; Писанко, 1971; Тасуева и др., 2019; Tottie et al, 2006; Tottie et al, 2009]. Так, например, Н. И. Писанко отмечает, что говорящий использует расчлененный вопрос, предлагая собеседнику выразить согласие с определенным утверждением, ожидая подтверждения сделанного предположения, выражая реакцию на замечание собеседника, ожидая уточнения высказанного, выражая просьбу или приказ. Исследователь указывает на модально-экспрессивный характер расчлененного вопроса и называет уверенность и предположение основными его значениями [Писанко, 1971, с. 138—167]. В. В. Морозов среди функций расчлененных вопросов упоминает выражение интереса и попытку убеждения [Морозов, 1998, с. 6]. Е. А. Курбатова говорит о свойственных этому типу вопроса функциях донесения фактической информации до адресата, социализации, интеллектуальных, эмоциональных и

моральных установок, а также о функции побуждения [Курбатова, 2002, с. 16—17]. В. В. Селезнева, Е. А. Евсикова и А. Ш. Тарвердян в своей работе рассматривают расчлененные вопросы как полифункциональное синтаксическое средство, являющееся «кластером таких коммуникативно значимых параметров лингвоэкологичности, как вежливость, толерантность, некатегоричность, неимпозитивность, адресатоцентричность (ориентированность на собеседника), эмоциональная деинтенсификация, эмпатия» [Селезнева и др., 2019, с. 119]. Л. А. Кочетова, Е. Ю. Ильинова, Т. А. Клепикова говорят об информационной, этикетной и корректирующей межличностные отношения функциях [Кочетова и др., 2021]. А. В. Гуркова и А. И. Пилюгина отмечают использование разделительного вопроса для проверки предположений, запроса согласия партнера со спикером как попытки спикера подтвердить свои собственные мысли, выразить сомнение или собственное мнение [Гуркова и др., 2023]. Т. А. Симонян говорит об употреблении в речи этого типа вопроса с целью выражения мнения и эмоций косвенным образом, в завуалированной форме [Симонян, 2023], В. Ю. Белоусов выдвигает на первый план использование расчлененного вопроса для подтверждения или опровержения уже имеющейся информации [Белоусов, 2024].

Что касается исследований такого типа вопроса с исторической точки зрения, то Г. Тотти и С. Хоффманн, изучая разделительные вопросы из текстов драмы XVI века, указывают на их функционирование для запроса информации, выражения отношения говорящего к чему-то, вовлечения в дискурс, выражения вызова, что схоже с современной речью. Кроме того, исследователи отмечают функцию назидания, директивы или поучения, не характерную для разделительного вопроса на современном этапе [Tottie et al, 2009, p. 145—147].

В ряде работ рассматривается перевод разделительного вопроса на русский язык [Алексеева и др., 2019; Луговская, 2023, 2024; Халитова, 2012]. Отмечается, что при передаче тэга могут быть использованы вопросительные частицы, такие как *правда? не так ли? ведь так? правда ведь? да?*, называемые «контактоустанавливающими» вследствие их функционирования в констатирующе-вопросительных предложениях для выражения реакции адресата на речь адресанта при установлении с ним контакта [Халитова, 2012]. Исследователи также указывают, что зачастую тэг лишен материализации, тогда перевод осуществляется за счет синтаксического построения предложения, а также специфического интонирования высказывания [Луговская, 2023; Луговская, 2024].

Специальные работы, посвященные анализу перевода разделительного вопроса в диалогах трагедии Шекспира «Гамлет», нам не встретились.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Для анализа мы выбрали отрывок из первой сцены пятого акта, которая происходит на кладбище. Сцена начинается с появления двух могильщиков, которые начинают рыть могилу для Офелии, болтая между собой. Позднее появляется Гамлет в сопровождении Горацио. Выкапывая яму, один из могильщиков попадает в старое захоронение, натывается на череп и отбрасывает его в сторону, друзья наблюдают за его действиями:

*Ham. That skull had a tongue in it, and could sing once; how the knave jowls it to the ground, as if it were Cain's jaw-bone, that did the first murder! This might be the pate of a politician, which this ass now o'er-offices, one that would circumvent God, **might it not?***

Hor. It might, my lord.

*Ham. Or of a courtier, which could say, 'Good morrow, sweet lord! How dost thou, good lord?' This might be my Lord Such-a-one, that praised my Lord Such-a-one's horse, when he meant to beg it, **might it not?***

Hor. Ay, my lord.

Анализируя авторский дискурс, отметим, что каждая реплика Гамлета имеет двухчастное построение. В первой части персонаж пускается в философские рассуждения, как будто придумывая детали из жизни бывшего хозяина черепа. Вторую часть каждой реплики Шекспир представляет в виде вопросительного предложения, организованного согласно схеме: «*This might be..., might it not?*». Два кратких ответа предназначены для Горацио. В одном повторяются слова присоединенного вопроса *it might*, они сочетаются с обращением *my lord*, в другом такое же обращение находится в постпозиции от слова-подтверждения *ay* (представляющего собой измененное среднеанглийское междометие *yai* (*yes*) или наречие *aye* (*always*) [Etymology Dict.]).

В одно диалогическое единство реплики Гамлета соединяет союз *or*, употребление которого не оставляет сомнения в том, что реплики задумывались как нечто единое. Размещая два одинаковых присоединенных вопроса *might it not* так близко друг к другу, Шекспир, очевидно, не стремится к достижению речевого разнообразия. Напротив, он старается сделать оба вопроса максимально схожими друг с другом. Это наводит на мысль об их «полусинтетичности»: принцип присоединения тэга взят из разговорной речи, но не для придания естественности словам персонажа, а скорее для того, чтобы сформировать диалог, давая возможность зрителю осознать содержание текущей реплики и подготовить к восприятию следующей, замедлить скорость поступления информации к публике. Именно таким образом Шекспир избегает чрезмерной перегруженности реплики, превращая монолог Гамлета, полный намеков и аллегорий, в диалог с Горацио.

Если рассматривать персонажей как реальных людей, между которыми происходит коммуникация, то можно заметить, что Гамлет чрезмерно разговорчив, философствует. Горацио немногословен, как этого требует его подчиненное положение, и соглашается со всеми рассуждениями принца без возражений, отдавая дань дружбе, сам факт нахождения на кладбище его, в отличие от Гамлета, не вдохновляет. Гамлет совсем не обращает внимания на то, что говорит Горацио, рассуждает сам с собой. Даже при поверхностном рассмотрении можно увидеть в его первом высказывании (при упоминании Каина, который, как известно, убил своего родного брата) намек на действующего короля, а во втором, когда он говорит о лошади, — на королеву.

Таковы наши предположения о некоторых грамматических, стилистических и коммуникативных особенностях выбранного для анализа отрезка пьесы. Далее рассмотрим подходы переводчиков разного времени к его интерпретации.

3.1. Переводчики XIX века

М. Вронченко рассматривает присоединенную часть как устоявшееся сочетание *не правда ли*:

Гамлет. Въ семь черепъ также былъ языкъ; онъ также глѣть нѣкогда! и сей бездѣльникъ стучитъ имъ объ землю, какъ будто онъ челюсть Каина первоубійцы! Можетъ быть это голова политика, мыслившаго обмануть самаго Бога, и теперь имъ ворочаетъ осель сей! Не правда ли?

Горацио. Статься может, Принцъ!

Гамлетъ. Или придворнаго, который восклицалъ: здравствуйте, почтеннѣйшій! Здоровьяль вы, мои милостивецъ? или господина такогото, который выхвалялъ у господина такогото лошадь, выпросить ее у него желая! Не правда ли, Горацио?

Горацио. О, правда, Принцъ! (М. Вронченко).

Можем видеть, что опорное предложение разделительного вопроса воспринимается переводчиком как эмоциональное высказывание, о чем свидетельствуют восклицательные знаки между присоединенной и присоединяющей частями. При этом в предложении первой реплики используется *Можетъ быть*, которое во втором опускается. Из-за этого приема хорошо просматривается связь реплик Гамлета — вторая выглядит как продолжение первой: — *Или придворнаго..., или господина такогото*. Присоединенные части создаются одинаковыми, они обе выглядят как краткие относительно самостоятельные вопросительные структуры, но в составе второй имеется обращение *Горацио*. Такое различие может быть обусловлено тем, что переводчик показывает завершение темы (да-

лее разговор будет вестись уже о следующем черепе, который достанет могильщик). На это указывают и неодинаковые реплики-ответы — нейтральное *Статься может*, *Принцъ* и потенциально более эмоциональное *О, правда, Принцъ*.

М. Загуляев также воспринимает присоединенный вопрос как устойчивое сочетание, стимулирующее собеседника к участию в разговоре, и выбирает для него два эквивалента — *неправда ли* и *Врѣдь такъ*:

Гамлетъ. Было время, когда и у этой головы былъ языкъ, и она тоже пѣла, а теперь этотъ негодяй швыряетъ ее какъ будто бы это былъ черепъ Каина, перваго человекоубійцы. Этотъ черепъ, съ которымъ болванъ обходится такъ бесцеремонно, былъ, можетъ быть, черепомъ великаго политика, думавшаго, что онъ въ состояніи обмануть самого Бога, неправда ли?

Горацио. Очень можетъ быть, ваше высочество!

Гамлетъ. Или черепомъ придворнаго, умѣвшаго отлично говорить: «Честъ имѣю кланяться, какъ ваше здоровье?...» Можетъ быть онъ сидѣлъ на плечахъ господина такого-то, который хвалилъ лошадь господина такого-то, съ тѣмъ чтобъ выпросить ее!... Врѣдь такъ?

Горацио. Да, принцъ. (М. Загуляев).

Оба опорных предложения содержат элементы *можетъ быть*, которые не употребляются в присоединенных частях. Повторяемое из реплики-зачина сочетание *можетъ быть*, усиленное наречием *очень*, видим в реплике Горацио. Вторая реплика друга Гамлета более краткая, это слово-предложение *да*, сопровождающееся обращением. Интересно, что переводчик выбирает два разных обращения: в первой реплике *ваше высочество*, во второй — *принцъ*. Очевидно намерение сделать первый ответ более объемным, а второй — более кратким.

А. Кроненберг интерпретирует отрывок следующим образом:

Гамлет: Въ этомъ черепъ былъ когда-то языкъ, и онъ могъ пѣть! А этотъ бездѣльникъ швырнулъ его о землю; точно будто челюсть Каина, перваго убійцы. Можетъ быть это была голова политика, мечтавшаго перехитрить самого Господа Бога; и этотъ осель перехитрилъ его теперь; не такъ ли?

Горацио: Дѣло возможное.

Гамлет: Или придворнаго, которому ничего не стоило говорить: добро утра, ваше высочество! Позвольте, пожелать вамъ всевозможнаго счастья! Онъ могъ быть черепомъ господина А, который хвалилъ лошадь господина В, потому что ему хотѣлось получить ее въ подарокъ. Не такъ ли?

Горацио: Все можетъ быть, принцъ. (А. Кроненберг).

Опорное предложение для присоединенного вопроса содержит предположение, маркируемое сочетаниями *Может быть* и *Онъ могъ быть*. В качестве присоединенных частей в обеих репликах наблюдаем устойчивое сочетание *не такъ ли*. Можно видеть, что в первой реплике на границе опорной и присоединенной частей поставлена точка с запятой, во второй — точка. Такая разметка показывает, что пауза перед первым присоединенным вопросом планируется короче, чем перед вторым. Если на первое *не такъ ли* Горацио реагирует словами *Дѣло возможное*, то на второе — гораздо более многословно. *Все может быть* второй реагирующей реплики вместо краткого *Ау*, наблюдаемого в тексте Шекспира, вероятно, привлекается переводчиком для указания на завершение одной темы и подготовки зрителя для восприятия другой.

Передавая разделительные вопросы, Н. Полевой старается следовать оригинальному тексту и в то же время избегать повторов:

Гамлетъ. У этого черепа былъ языкъ, и онъ также пѣвалъ! Какъ бросилъ его этотъ негодяй, будто черепъ Каина, перваго убійцы! А, можетъ быть, этотъ черепъ, который такъ легко швыряютъ теперь — составлять голову великаго политика, или челоуѣка, который думалъ править цѣлымъ міромъ — не правда ли?

Горацио. Можетъ быть, принцъ?

Гамлетъ. Или придворнаго, который такъ мило, такъ ловко умѣлъ сказать: “Здравствуйте, м. г., все ли вы въ добромъ здоровьи, м. г.” — Можетъ быть, это былъ знатный баринъ, охотникъ до лошадей, и — до всего — можетъ быть?

Горацио. Да, принцъ. (Н. Полевой).

Опорные клауземы построены с начальными частями *А, можетъ быть* и *можетъ быть*, присоединенные же части не повторяются и представлены сочетаниями соответственно *не правда ли* и *можетъ быть*. То есть во второй конструкции присоединенный вопрос, как и в оригинальном тексте, выглядит как повторение части опорного предложения, а в первой — как устойчивое сочетание. Можно предположить, что такой вариант перевода связан с подбором первой реплики Горацио *Можетъ быть, принцъ*, чтобы избежать близкого троекратного повтора словосочетания *можетъ быть*.

Во всех рассмотренных отрывках в первой реплике видим довольно прозрачный намек на некоего хитрого политика, рассуждения о котором предваряются упоминанием о Каине. Рядом с этим именем для большей ясности ставится слово *убийца* в той или иной форме: *Каина, перваго убійцы; Каина, перваго челоуѣкоубійцы* или *Каина первоубійцы*. Во второй реплике М. Загуляев, А. Кронеберг и М. Вронченко предлагают схожие нейтральные варианты соответственно: *«хвалили лошадь господина такого-то, съ*

тѣмъ чтобъ выпросить ее», «хвалиль лошадь господина В, потому что ему хотѣлось получить ее въ подарокъ», «выхвалиль у господина такого-то лошадь, выпросить ее у него желая».

Н. Полевой выбирает совершенно другой подход: «*это былъ знатный баринъ, охотникъ до лошадей, и — до всего*». Бросается в глаза финальная часть опорного предложения *и — до всего*, по разметке видим отделяющую ее многозначительную паузу. Не желая увести зрителя в сторону от нужного русла рассуждений, переводчик подсказывает ход мысли, указывая на грех любострастия «знатного барина». Такой акцент переводчика становится понятным при исследовании особенностей его интерпретации. В частности, Л. С. Артемьева показывает, что Полевой сосредоточен на «усилении мотива мести в пьесе» [Артемьева, 2014, с. 94], Д. К. Филиппова отмечает, что переводчик делает главными устремлениями Гамлета «восстановление справедливости путем наказания убийцы и отмщение за отца» [Филиппова, 2023, с. 366].

3.2. Переводчики XX века

Б. Пастернак передает обе присоединенные части в виде кратких независимых предложений *Не правда ли:*

Гамлет. В этом черепе был когда-то язык, он умел петь. А этот негодяй шмякнул его об землю, точно это челюсть Каина, который совершил первое убийство. Возможно, голова, которую теперь распоряжается этот осел, принадлежала какому-нибудь политику, который собирался перехитрить самого господина Бога. Не правда ли?

Горацио. Возможно, милорд.

Гамлет. Или какому-нибудь придворному. Он говаривал: «С добрым утром, светлейший государь. Как изволите здравствовать?» Его звали лорд такой-то и такой-то, и он нахваливал лорду такому-то его лошадь в надежде напроситься на подарок. Не правда ли?

Горацио. Правда, принц. (Б. Пастернак).

Значение предположения маркируется словом *Возможно*, которое переводчик вводит только в первую реплику Гамлета. Такой прием, вероятно, призван усилить ощущение у читающего / слушающего, что обе реплики представляют собой монолог, прерываемый вторым присутствующим. Краткие предложения реплик Горацио составлены так, чтобы была ясно видна лексико-грамматическая связь между ними и разделительными вопросами. Сначала друг Гамлета повторяет из опорной части разделительного вопроса слово *возможно*, сопровождая его обращением, во второй реплике из присоединенной части *Не правда ли* повторяется слово *Правда*. Обращение *my lord* передается, в отличие от текста Шекспира, по-разному: *милорд* в первой реплике и *принц* во второй.

Присоединенные части в переводе М. Лозинского выражаются сочетанием *разве нет*, тире указывает на довольно длительную паузу, отделяющую их от опорных предложений:

Гамлет: у этого черепа был язык, и он мог петь когда-то; а этот мужик швыряет его об землю, словно это Каинова челюсть, того, что совершил первое убийство! Может быть, это башка какого-нибудь политика, которую вот этот осел теперь перехитрил; человек, который готов был провести самого господа Бога, — разве нет?

Горацио: Возможно, принц.

Гамлет: Или придворного, который говорил: «Доброе утро, дражайший государь мой! Как вы себя чувствуете, всемилостивейший государь мой?» Быть может, это государь мой Такой-то, который хвалил лошадь государя моего Такого-то, рассчитывая ее выпросить, — разве нет?

Горацио: Да, мой принц. (М. Лозинский).

Присоединяющее предложение в первой реплике начинается словами *может быть*, во второй видим сочетание *быть может*. Реплики-реакции содержат обращение, второе из которых переводчик (в последней реплике) делает более объемным *мой принц*, видимо, для того, чтобы оно не выглядело слишком кратким и не вполне вежливым.

Схожий подход к интерпретации опорных предложений — перемену мест слов в начале конструкций (в первой: «*Это, может быть*»; во второй: «*Может быть, это*») — видим у А. Радловой:

Гамлет: Внутри этого черепа был язык, и когда-то он мог петь, — а этот хам швыряет его, будто это челюсть Каина, первого убийцы. Это, может быть, башка какого-нибудь государственного мудреца, которого этот осел сейчас перемудрил, мудреца, который мог надуть самого Бога. Могло так быть?

Горацио: Могло, милорд.

Гамлет: А может быть, этот череп принадлежал какому-нибудь придворному, который говорил: «Здравствуйте, прелестнейший милорд!», «Как ваше здоровье, прелестнейший милорд?» Может быть, это череп милорда какого-то, который восхвалял коня милорда такого-то, собираясь выклянчить его. Могло так быть?

Горацио: Конечно, милорд. (А. Радлова).

Присоединенные части представлены одинаковыми независимыми эллиптическими вопросительными предложениями *Могло так быть*. Переводчик показывает лексико-грамматическую связь первых двух реплик повтором Горацио слова *могло*. Между третьей и четвертой репликами, как и в оригинальном тексте, такой связи нет.

В тексте Ю. Лифшица предположение в первой реплике Гамлета маркировано сочетанием *может быть*, а во втором — словом *допустим*:

Гамлет. Этот череп умел когда-то говорить или даже петь.

А этот мошенник швыряет его, как челюсть Каина, первого братоубийцы. Может быть, это череп видного политика, который не шутя пытался провести Господа Бога, но в итоге пал куда ниже этого осламогильщика. Могло это быть именно так?

Горацио. Вполне, милорд.

Гамлет. Или это прах царедворца, говорившего: «С пробуждением, добрый государь. Как изволили почивать, милосердный государь?» Его звали, допустим, милорд Такой-то, и он юлил перед милордом Сяким-то в надежде выклянчить у того лошадь. Так ведь тоже могло быть?

Горацио. Могло, милорд. (Ю. Лифшиц).

Эти разделительных вопросов не повторяются, они выражены двумя вопросительными предложениями *Могло это быть именно так?* и *Так ведь тоже могло быть?*, отделенными от опорной части точками, то есть довольно значительными паузами. Первая реплика-реакция Горацио содержит согласие-поддакивание в виде замечания *Вполне*, сопровождаемого обращением. Вторая ответная реплика составлена повторяемым из присоединенного вопроса словом *могло*.

Б. Пастернак и М. Лозинский, а также А. Радлова рядом с именем Каина размещают сочетания соответственно «*совершил первое убийство*» и «*первого убийцы*». Говоря о том, кому мог принадлежать череп, переводчики используют слова *политик* и *государственный мудрец*, указывая на хитрость этого предполагаемого лица с помощью выражений «*собирался перехитрить самого господ Бога*», «*готов был провести самого господ Бога*», «*мог надуть самого Бога*». Ю. Лифшиц делает намек на действующего короля, отравившего своего брата, еще более явным — «*Каина, первого братоубийцы*», при этом, в отличие от своих предшественников, донося до зрителя / читателя собственное заключение: «*пал куда ниже*». Анализ второй части отрывка (второй пары реплик) позволяет предположить, что переводчики не замечают аллюзии в словах Гамлета «*horse, when he meant to beg it*», или не считают необходимым использовать их в качестве намека на королеву. А. Радлова вообще исключает возможность такой интерпретации, привлекая слово *конь*, а не *лошадь*: «*коня милорда такого-то*».

3.3. Переводчики XXI века

А. Чернов сохраняет присоединенный вопрос только во второй реплике Гамлета:

Гамлет: у этого черепа был язык. И он тоже мог петь. А этот плут швырнул его, как ту самую челюсть, которой Каин совершил первое убий-

ство. Подумай, может, это была башка политика, и он самого Творца водил за нос...

Горацио: Весьма вероятно.

Гамлет: Или придворного, что каждое утро причитал: «Доброго вам утра, милорд как ваше здоровье, милорд!..» А всего-то и хотел, что вы просить приглянувшегося скакуна... Что, может такое быть?

Горацио: Может, милорд. (А. Чернов).

В первой реплике присоединенный вопрос отсутствует, незаконченность речи принца показана многоточием. В опорное предложение переводчик включает императив *Подумай*, что делает его, при превращении в высказывание, не просто частью рассуждения, философствования Гамлета, а обращением к присутствующему. Присоединенный вопрос представлен самостоятельным предложением: *Что, может такое быть?* В реплике Горацио видим повторяющийся из этого предложения элемент *может*.

И. Пешков показывает присоединенный вопрос в первой реплике Гамлета в виде альтернативного вопроса *сумел бы... или не сумел бы*:

Гамлет. В черепе был язык, и он мог петь когда-то: а этот разбойник сваркнул его озмь, как будто здесь челюсть Каина, совершившего первое убийство! То, что этот осел сейчас извлек, могло быть головой политика, который и Бога сумел бы обвести вокруг пальца, или не сумел бы?

Горацио: Сумел бы, мой господин.

Гамлет. Или — головой придворного, который говорил «Доброе утро, милый господин! Как твои дела, дорогой господин?» Это мог быть господин такой-один, он хвалил бы господина такого-то лошадь, когда собирался попросить ее; могло быть так?

Горацио. Еще бы, мой господин. (И. Пешков).

В проанализированных выше отрывках можем видеть, что переводчики стараются избегать сослагательного наклонения, в варианте И. Пешкова оно привлекается: *Бога сумел бы обвести вокруг пальца*. Разделительный вопрос второго отрывка показан следующим образом: в опорной части предположение делается лишь в одной из клауз *Это мог быть*, запрос же по поводу истинности делается ко всему сложному предложению с помощью сочетания *могло быть так?* В первой реплике Горацио, аналогично наблюдаемому в тексте Шекспира, производится повторение слов из присоединенной части *сумел бы*, вторая реплика-реакция представлена восклицанием *еще бы*, сопровождающимся обращением, одинаковым в обеих ответных репликах.

В обоих переводах сохраняется уточняющая фраза Гамлета о Каине *that did the first murder «совершил первое убийство»* и упоминание о хитрости некоего политика *one that would circumvent God: «он самого Творца*

водил за нос», «Бога сумел бы обвести вокруг пальца». Намек на королеву во второй реплике Гамлета не реализуется, А. Чернов совершенно отказывается от этой возможности, переведя слово *horse* как *скакун*.

В отличие от всех рассмотренных выше вариантов интерпретации, в первой реплике Гамлета следующего перевода, выполненного В. Поплавским, и часть о Каине, и упоминание о лошади опускаются:

Гамлет. Тот, кому принадлежал этот череп, своё уже отпел, независимо от того, кем он был при жизни, — может быть, крупным политиком, умевшим хитрить с самим господом Богом, — почему бы нет?

Горацио. Всё может быть, милорд.

Гамлет. Или особой, приближенной к государю, — он говорил: «Доброе утро, ваше величество! Как изволили почивать, ваше величество? Что прикажете, ваше величество?» — и сам носил высокий титул и громкое имя, — почему бы нет?

Горацио. Да, милорд, вполне возможно. (В. Поплавский).

Присоединенные вопросы показаны одинаковыми сочетаниями *почему бы нет?* В реагирующих репликах нет элементов, повторяющихся из присоединенных частей. Для Горацио составлены многословные ответы, видимо, в целях соответствия правилам вежливости.

Подход А. Агроскина принципиально отличается, пожалуй, от всех вариантов, обсужденных выше. Для облегчения восприятия зрителем автор перевода представляет реплику Гамлета в виде трех, а не двух частей, поэтому для Горацио предназначаются не два, а три ответа:

*Гамлет. А у него когда-то был язык,
и он мог петь. И вот на куче глины
лежит среди таких же горемык.*

Но кто они? Рабы иль властелины?

*А может быть в отброшенной башке
таился мозг политика, который
вершил судьбу страны при дураке,
украшенном наследственной короной?*

Горацио. Возможно.

*Гамлет. Или ей владел лакей,
который стлался перед господами,
вполне довольный участью своей,
готовый зад чужой лизать годами.*

Горацио. Да, может быть.

*Гамлет. А вдруг была она
над туловом пристроена милорда,
хвалившего лихого скакуна,*

чтобы принять его в подарок гордо.

Горацио. О, да, милорд! (А. Агроскин, 2009).

Можно видеть, что конструкции с присоединенными вопросами не сохраняются. Что касается аллюзий Шекспира, то переводчика, очевидно, больше интересует красота рифмованного текста: Гамлет философствует о превратностях человеческой судьбы, и у читателя не создается впечатление, что принц упоминает действующего короля или королеву.

4. Заключение = Conclusions

Перевод английских разделительных вопросов на русский язык затруднён из-за отсутствия в русском языке точного аналога — вопроса с присоединённой частью, состоящей из слов-заместителей, — а также из-за многозначности таких вопросов в английском языке.

Вариативность перевода реплик выбранного для анализа отрывка связана с особенностями восприятия переводчиками интенции Шекспира, пониманием ими того настроения и состояния персонажа, которое имеется в виду в оригинале. Речь принца может быть понята двояко: как намек на действующих короля и королеву посредством сравнения с братоубийцей-Каином и хитрым политиком, имеющим пристрастие к лошадям, а также как размышления философствующего интеллектуала о вопросах жизни и смерти. Соответственно, при первом подходе второй участник диалога, Горацио, воспринимается как подающий «технические» реплики, которые необходимы для замедления темпа речи актеров, чтобы дать зрителю время на осознание того, что происходит на сцене, при втором — Горацио показывается как реальный собеседник, к которому принц обращается с вопросами, ожидая необходимой поддержки.

Вариативность переводов связана также с отношением переводчика к разделительным вопросам. В их интерпретациях также видны два направления: конструкции понимаются как вопросительные предложения, и тогда тэги передаются как краткие присоединенные вопросительные структуры *не правда ли?, ведь так?, не так ли?, может быть?, разве нет?, почему бы нет?*, а также более объемные *могло так быть?, могло это быть именно так?, так ведь тоже могло быть?*; конструкции понимаются как эмоционально окрашенные высказывания размышляющего вслух персонажа, и в этом случае переводчики не видят необходимости передавать вопросительные тэги в том или ином виде — тогда вопросно-ответное диалогическое единство оригинального текста передается в виде невопросно-ответного.

Еще один путь достижения речевого разнообразия — способ передачи реплики-зачина и реплики реакции. Первая реплика *it might, my lord*,

предназначенная для Горацио, в тексте Шекспира лексико-грамматически связана с тэгом первого расчлененного вопроса *might it not*. Вторая реплика *Au, my lord* такой связи не имеет. Вариативность достигается здесь по-разному. Например, А. Радлова сохраняет такой принцип и относительно первой реплики Горацио: «*Могло так быть?*» «*Могло, милорд*»; и относительно второй: «*Могло так быть?*» «*Конечно, милорд*». Б. Пастернак использует повтор в предложениях обеих ответных реплик: в первой осуществляется повтор из опорной части: «*Возможно, ... Не правда ли?*» «*Возможно, милорд*»; во второй — из присоединенной: «*Не правда ли?*» «*Правда, принц*». Повтор может вводиться только в одной, причем не в первой, а во второй реплике, как у М. Вронченко: «*Не правда ли, Горацио?*» «*О, правда, Принцъ!*». Наконец, повтор вообще может отсутствовать, как у А. Кронеберга: «*не такъ ли?*» «*Дѣло возможное*» и «*Не такъ ли?*» «*Все можетъ быть, принцъ*».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Вильям Шекспир*. Гамлет. Трагедия в 5 актах / Шекспир Вильям ; Перевод А. Радловой. — Москва-Ленинград : Искусство, 1938. — 254 с.
2. *Гамлет*, принц Датский / Перевод Ю. И. Лифшиц. — Санкт-Петербург : Водолей, 2017. — 704 с.
3. *Гамлет*. Трагедия В. Шекспира. переводъ А. Кронеберга. — Харьков : Въ университетской типографіи, 1844. — 220 с.
4. *Гамлетъ* принцъ Датскій / Русскій перевод с англійскаго М. А. Загуляева. — Санктперербургъ : Типографія Ф. Х. Йордана, 1877. — 74 с.
5. *Гамлетъ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. Шекспира. Перевель с Англійскаго М. Вронченко. — Санктперербургъ : въ типографіи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дель, 1828. — 205 с.
6. *Трагедія* Гамлета, принца Датскаго [Электронный ресурс] // Перевод А. Чернова (2002, 2003, 2007). — Режим доступа : <https://chernov-trezin.narod.ru/HamletPerevod.htm> (дата обращения 21.02.2025).
7. *Трагедія* о Гамлете, принце Датском [Электронный ресурс] // Перевод А. Р. Агроскина. — Режим доступа : http://theatre-library.ru/shakespeare_1847.doc (дата обращения 21.02.2025).
8. *Трагическая история* о Гамлете, принце Датском / Перевод М. Л. Лозинского // Вильям Шекспир. Избранные драмы в новых переводах. — Москва-Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1934. — С. 9—146.
9. *Трагическая история* принца Гамлета [Электронный ресурс] // Перевод В. Поплавского. — 2014. — Режим доступа : <https://www.vestnik-evropy.ru/issues/the-tragic-story-of-prince-hamlet-translation-poplavsky.html> (дата обращения 21.02.2025).
10. *Уильям Шекспир*. Гамлет, принц Датский / Шекспир Вильям : Перевод Б. Пастернака. — Санкт-Петербург : Азбука, 2023. — 224 с.

11. *Шекспир Вильям*. Гамлет, принц Датский : трагедия в пяти действиях Виллиама Шекспира / Вильям Шекспир ; пер. с англ. Н. А. Полевого. — Санкт-Петербург : Изд-во А. С. Суворина, 1910. — 148 с.

12. *Шекспир*. Гамлет : в поисках подлинника [Электронный ресурс] / Шекспир ; Перевод, подготовка текста оригинала, комментарии и вводная статья И. В. Пешкова. — Москва : Лабиринт, 2003. — Режим доступа : http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_hamlet16.txt (дата обращения 23.02.2025).

13. *Shakespeare William*. Hamlet / William Shakespeare // Four Tragedies. — London : Penguin Books, 1996. — 951 p.

Литература

1. *Алексеева А. В.* Интеррогативные высказывания как речевые акты в английском языке / А. В. Алексеева, Н. А. Депутатова // В сборнике : Terra Linguae. Сборник научных статей. — Казань : Издательство Казанского университета, 2019. — С. 11—15.

2. *Артемьева Л. С.* «Гамлет» в переводе Н. А. Полевого : проблема переводческой интерпретации жанра / Л. С. Артемьева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2—2. — С. 94—97.

3. *Белоусов В. Ю.* Структурные особенности дизъюнктивных интеррогативов в кинодиалоге гангстерского фильма (на основе американской кинематографии) / В. Ю. Белоусов // Флагман науки. — 2024. — № 2 (13). — С. 271—273.

4. *Гайдин Б. Н.* Онлайн-программа сравнительного тезаурусного анализа русских переводов произведений У. Шекспира : итоги первого года / Б. Н. Гайдин // Горизонты гуманитарного знания. — 2017а. — № 6. — С. 169—182. — DOI: 10.17805/ggz.2017.6.10.

5. *Гайдин Б. Н.* Шекспир в современной русской культуре : национальное и глобальное / Б. Н. Гайдин // Горизонты гуманитарного знания. — 2017б. — № 6. — С. 47—71. — DOI: 10.17805/ggz.2017.6.4.

6. *Гоголь И. Е.* Особенности интонации разделительного вопроса в иноязычной английской речи носителей китайского языка / И. Е. Гоголь // Stephanos. — 2023. — № 6 (62). — С. 102—111. — DOI: 10.24249/2309-9917-2023-62-6-102-111.

7. *Гуркова А. В.* Функции разделительных вопросов в деловом интервью / А. В. Гуркова, А. И. Пилюгина // В сборнике : Студенческая наука Подмоскovie. Сборник материалов Международной научной конференции молодых ученых, проводимой в рамках Года педагога и наставника в России. — Орехово-Зуево : Государственный гуманитарно-технологический университет, 2023. — С. 141—145. — ISBN 978-5-87471-496-3.

8. *Дамман Е. А.* Особенности развития переводческой мысли на примере переводов отрывка трагедии У. Шекспира «Гамлет» на русский язык / Е. А. Дамман, И. С. Гамбург // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2022. — Т. 19. — № 3. — С. 52—61. — DOI: 10.14529/ling220307.

9. *Захаров Н. В.* Шекспир и шекспиризм в России / Н. В. Захаров, В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 1. — С. 98—106.

10. *Кочетова Л. А.* Лингвопрагматическое исследование разделительного вопроса в англоязычном межличностном общении : корпусный анализ / Л. А. Кочетова, Е. Ю. Ильинова, Т. А. Клепикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2021. — Т. 20. — № 5. — С. 67—86. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.6_

11. Курбатова Е. А. Функционально-экспрессивные особенности разделительных вопросов в современном английском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. А. Курбатова — Тула, 2002. — 147 с.

12. Левик В. Нужны ли новые переводы Шекспира? / В. Левик // Мастерство перевода 1966. — Москва : Советский писатель, 1968. — С. 93—104.

13. Луговская Е. Г. Когнитивный и прагматический аспекты перевода стандартных разделительных вопросов (tag-questions) в кинотексте / Е. Г. Луговская // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2024. — Т. 16. — № 1 (20). — С. 115—125. — DOI: <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2024-16-1-115-125>.

14. Луговская Е. Г. Текстобразующая функция разделительных конструкций (tag questions) : проблемы перевода и адекватной интерпретации (на материале кинотекста) / Е. Г. Луговская // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2023. — Т. 15. — № 3 (18). — С. 336—345. — DOI: <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-3-336-345>.

15. Морозов В. В. Когнитивные основания категоризации разделительных вопросов (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. В. Морозов. — Москва, 1998. — 205 с.

16. Моташкова С. В. Лингвосинергетический анализ творчества Б. Л. Пастернака — переводчика трагедии У. Шекспира «Гамлет» / С. В. Моташкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 4. — С. 103—107.

17. Писанко Н. И. Модально-экспрессивные значения некоторых общевпросительных предложений современного английского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. И. Писанко — Томск, 1971. — 257 с.

18. Селезнева В. В. Английский разделительный вопрос как лингвоэкологичный феномен межличностного общения / В. В. Селезнева, Е. А. Евсикова, А. Ш. Тарвердян // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 107—123. — DOI: [10.24224/2227-1295-2019-7-107-123](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-7-107-123).

19. Симонян Т. А. Прагматические функции разделительного вопроса в современном английском языке (на примере романов К. Хувер) / Т. А. Симонян // в сборнике : Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов по литературоведению, лингвистике, лингводидактике, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ Ксении Михайловны Барановой. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2023. — С. 201—210.

20. Тасуева С. И. Гендерные особенности речевого поведения (на материале современного английского языка) / С. И. Тасуева, М. И. Мачагова // В сборнике : Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа. Материалы Второй международной научно-практической конференции. — Грозный : Чеченский государственный педагогический университет, 2019. — С. 245—249.

21. Третьякова Т. П. Великому Уильяму Шекспиру — 450 лет! Шекспировскому «Гамлету» в переводе Бориса Пастернака — 75 лет! (Заметки к памятным юбилейным датам) / Т. П. Третьякова // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. — 2014. — № 4. — С. 19—25.

22. Филиппова Д. К. «Гамлет» У. Шекспира и русская словесность : фрагментарные переводы XVIII века / Д. К. Филиппова // В сборнике : Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов XI (XXV) Международной научно-практиче-

ской конференции молодых учёных. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2024а. — С. 336—342. — ISBN 978-5-907722-89-7.

23. Филиппова Д. К. Две драмы Н. А. Полевого : «Гамлет» и «Уголино» / Д. К. Филиппова // В сборнике : Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. — С. 363—367. — ISBN 978-5-907572-02-7.

24. Филиппова Д. К. Русские переводы «Гамлета» У. Шекспира : первая треть XIX века / Д. К. Филиппова // В сборнике : Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов IX (XXIII) Международной научно-практической конференции молодых учёных. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2022. — С. 328—331.

25. Филиппова Д. К. Шекспир в русской словесности 1748—1810 гг. : от переделки к переводу / Д. К. Филиппова // Имагология и компаративистика. — 2024б. — № 22. — С. 19—30. — DOI: 10.17223/24099554/22/2.

26. Халитова Л. К. Семантика и прагматика русских контактоустанавливающих частей и английского разделительного вопроса : сравнительно-сопоставительный аспект / Л. К. Халитова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер. Филологические науки. — 2012. — Выпуск 5. — С. 408—412.

27. Tottie G. Tag Questions in British and American English / G. Tottie, S. Hoffmann // Journal of English Linguistics. — 2006. — V. 34. — № 4. — Pp. 283—311.

28. Tottie G. Tag Questions in English. The First Century / G. Tottie, S. Hoffmann // Journal of English Linguistics — 2009. — V. 37. — № 2. — Pp. 130—161.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025,
одобрена после рецензирования 21.04.2025,
подготовлена к публикации 03.05.2025.

Material resources

Hamlet, Prince of Denmark. (2017). St. Petersburg: Aquarius. 704 p. (In Russ.).

Hamlet, the struggle in Russia. The acquaintance of V. Spy. (1828). St. Petersburg: In the printing house of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs. 205 p.

Hamlet. (1844). *The tragedy of W. Shakespeare.* Kharkiv: University Printing House. 220 p. (In Russ.).

Prince Hamlet of Denmark. (1877). St. Petersburg: F. H. Jordan Printing House. 74 p. (In Ukr.).

Shakespeare William. *Hamlet.* (1996). In: *Four Tragedies.* London: Penguin Books. 951 p.

Shakespeare. Hamlet: in search of the original. (2003). Moscow: Labyrinth. Available at: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_hamlet16.txt (accessed 23.02.2025). (In Russ.).

The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. (2002, 2003, 2007). Available at: <https://chernov-trezin.narod.ru/HamletPerevod.htm> (accessed 21.02.2025). (In Ukr.).

The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. Available at: http://theatre-library.ru/shakespeare_1847.doc (accessed 21.02.2025). (In Russ.).

The Tragic story of Hamlet, Prince of Denmark. (1934). In: *William Shakespeare. Selected dramas in new translations.* Moscow-Leningrad: State Publishing House of Fiction. 9—146. (In Russ.).

The Tragic Story of Prince Hamlet. (2014). Available at: <https://www.vestnik-evropy.ru/issues/the-tragic-story-of-prince-hamlet-translation-poplavsky.html> (accessed 21.02.2025). (In Russ.).

- William Shakespeare. (1910). *Hamlet, Prince of Denmark: a Tragedy in Five Acts by William Shakespeare*. Saint Petersburg: Publishing House of A. S. Suvorin. 148 p. (In Russ.).
- William Shakespeare. (1938). *Hamlet. Tragedy in 5 Acts*. Moscow-Leningrad: Iskusstvo Publ. 254 p. (In Russ.).
- William Shakespeare. (2023). *Hamlet, Prince of Denmark*. St. Petersburg: ABC. 224 p. (In Russ.).

References

- Alekseeva, A. V. (2019). Interrogative statements as speech acts in English. In: *In the collection: Terra Linguae. Collection of scientific articles*. Kazan: Kazan University Press. 11—15. (In Russ.).
- Artemyeva, L. S. (2014). “Hamlet” translated by N. A. Polevoy: the problem of translation interpretation of the genre. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 2—2: 94—97. (In Russ.).
- Belousov, V. Y. (2024). Structural features of disjunctive prerogatives in the film dialogue of a gangster film (based on American cinematography). *Flagship of Science*, 2 (13): 271—273. (In Russ.).
- Damman, E. A. (2022). Peculiarities of the development of translation thought on the example of translations of a passage from W. Shakespeare’s tragedy “Hamlet” into Russian. *Bulletin of SUSU. The series “Linguistics”*, 19 (3): 52—61. DOI: 10.14529/ling220307. (In Russ.).
- Filippova, D. K. (2022). Russian translations of “Hamlet” by W. Shakespeare: the first third of the 19th century. In: *In the collection: Actual problems of linguistics and literary studies. Collection of materials of the IX (XXIII) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 328—331. (In Russ.).
- Filippova, D. K. (2023). Two dramas by N. A. Polevoy: “Hamlet” and “Ugolino”. In: *In the collection: Actual problems of linguistics and literary studies*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 363—367. ISBN 978-5-907572-02-7. (In Russ.).
- Filippova, D. K. (2024a). Shakespeare’s Hamlet and Russian literature: fragmentary translations of the XVIII century. In: *In the collection: Actual problems of linguistics and literary studies. Collection of materials of the XI (XXV) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 336—342. ISBN 978-5-907722-89-7. (In Russ.).
- Filippova, D. K. (2024b). Shakespeare in Russian literature 1748—1810: from revision to translation. *Imagology and comparative Studies*, 22: 19—30. DOI: 10.17223/24099554/22/2. (In Russ.).
- Gaidin, B. N. (2017a). Online program for comparative thesaurus analysis of Russian translations of works by W. Shakespeare: results of the first year. *Horizons of humanitarian knowledge*, 6: 169—182. DOI: 10.17805/ggz.2017.6.10. (In Russ.).
- Gaidin, B. N. (2017b). Shakespeare in modern Russian culture: national and global. *Horizons of humanitarian knowledge*, 6: 47—71. DOI: 10.17805/ggz.2017.6.4. (In Russ.).
- Gogol, I. E. (2023). Features of the intonation of the dividing question in the foreign English speech of Chinese speakers. *Stephanos*, 6 (62): 102—111. DOI: 10.24249/2309-9917-2023-62-6-102-111. (In Russ.).
- Gurkova, A. V. (2023). The functions of dividing questions in a business interview. In: *In the collection: Student science in the Moscow region. A collection of materi-*

- als from the International Scientific Conference of Young Scientists, held as part of the Year of the Teacher and Mentor in Russia. Orekhovo-Zuyevo: State University of Humanities and Technology. 141—145. ISBN 978-5-87471-496-3. (In Russ.).
- Khalitova, L. K. (2012). Semantics and pragmatics of Russian contact-fixing particles and the English dividing question: a comparative aspect. *Humanities, socio-economic and social sciences. Ser. Philological sciences*, 5: 408—412. (In Russ.).
- Kochetova, L. A., Ilinova, E. Y., Klepikova, T. A. (2021). Linguopragmatic study of the dividing issue in English-speaking interpersonal communication: corpus analysis. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 20 (5): 67—86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.6>. (In Russ.).
- Kurbatova, E. A. (2002). *Functional and expressive features of dividing questions in modern English*. PhD Diss. Tula. 147 p. (In Russ.).
- Levik, V. (1968). Do we need new translations of Shakespeare? In: *Mastery of translation 1966*. Moscow: Soviet Writer. 93—104. (In Russ.).
- Lugovskaya, E. G. (2023). Text-forming function of dividing constructions (tag questions): problems of translation and adequate interpretation (based on the material of the film text). *Multilingualism in the educational space*, 15 / 3 (18): 336—345. DOI: <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-3-336-345>. (In Russ.).
- Lugovskaya, E. G. (2024). Cognitive and pragmatic aspects of the translation of standard dividing questions (tag-questions) in the film text. *Multilingualism in the educational space*, 16 / 1 (20): 115—125. DOI: <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2024-16-1-115-125>. (In Russ.).
- Morozov, V. V. (1998). *Cognitive bases of categorization of dividing questions (based on the material of the English language)*. PhD Diss. Moscow. 205 p. (In Russ.).
- Motashkova, S. V. (2016). Linguistic and synergetic analysis of the work of B. L. Pasternak, translator of W. Shakespeare's tragedy "Hamlet". *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 4: 103—107. (In Russ.).
- Pisanko, N. I. (1971). *Modal-expressive meanings of some general interrogative sentences of modern English*. PhD Diss. Tomsk. 257 p. (In Russ.).
- Selezneva, V. V., Evsikova, E. A., Tarverdyan, A. S. (2019). English dividing question as a linguoecological phenomenon of interpersonal communication. *Nauchnyi Dialog*, 7: 107—123. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-107-123. (In Russ.).
- Simonyan, T. A. (2023). Pragmatic functions of the dividing question in modern English (on the example of K. Hoover's novels). In: *In the collection: Today and always: current problems of literary criticism, linguistics and linguodidactics. A collection of scientific papers on literary studies, linguistics, and linguodidactics, dedicated to the anniversary of Ksenia Mikhailovna Baranova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology at the Moscow State Pedagogical University*. Moscow: Limited Liability Company "Languages of the Peoples of the World". 201—210. (In Russ.).
- Tasueva, S. I., Machagova, M. I. (2019). Gender-specific features of speech behavior (based on the material of modern English). In: *In the collection: Language and literature in the educational and cultural space of Southern Russia and the Caucasus. Materials of the Second International Scientific and Practical Conference*. Grozny: Chechen State Pedagogical University. 245—249. (In Russ.).
- Tottie, G., Hoffmann, S. (2006). Tag Questions in British and American English. *Journal of English Linguistics*, 34 (4): 283—311.

- Tottic, G., Hoffmann, S. (2009). Tag Questions in English. The First Century. *Journal of English Linguistics*, 37 (2): 130—161.
- Tretyakova, T. P. (2014). The great William Shakespeare is 450 years old! Shakespeare's Hamlet, translated by Boris Pasternak — is 75 years old! (Notes on memorable anniversaries). *Bulletin of the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 4: 19—25. (In Russ.).
- Zakharov, N. V., Lukov, V. A. (2009). Shakespeare and Shakespeareanism in Russia. *Knowledge. Understanding. Ability*, 1: 98—106. (In Russ.).

*The article was submitted 13.02.2025;
approved after reviewing 21.04.2025;
accepted for publication 03.05.2025.*